

УДК 316.354

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-129-143

Положение науки и ученого в национальных республиках Сибири: сравнительный анализ советского и постсоветского опыта

А. М. Аблажей

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена анализу национальных (этнических) научных сообществ. Основываясь на анализе исследовательской литературы, автор приходит к выводу о наличии локальной, национальной (этнической) по своей природе специфике научных сообществ. Подобная специфика проявляется в первую очередь в формировании своеобразного «образа науки и ученого», что особенно ярко проявляется на примере модернизирующихся обществ. Полученные теоретические результаты проиллюстрированы на примере формирования, эволюции и нынешнего состояния научно-образовательных сообществ республик Сибири (Тыва, Хакасия, Бурятия, Алтай). Доказано, что специфика их постсоветского развития во многом обусловлена советским опытом, в частности, когда речь идет о месте ученого в традиционном и модернизированном обществе, роли науки и образования как социального лифта, места сфер интеллектуального производства в современной социальной и экономической структуре указанных регионов.

Ключевые слова

наука, этническая специфика, национальная специфика, образ науки, познавательная традиция, модернизация, научное сообщество, локальность

Для цитирования

Аблажей А. М. Положение науки и ученого в национальных республиках Сибири: сравнительный анализ советского и постсоветского опыта // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2. С. 129–143. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-129-143

The Position of Science and Scientist in the National Republics of Siberia: A Comparative Analysis of Soviet and Post-Soviet Experience

A. M. Ablazhey

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

Institute of Philosophy and Law SB RAS

Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of ethnic scientific communities. Based on the analysis of research literature, the author comes to the conclusion that there is a local, ethnic nature of the specificity of scientific communities. This specificity is manifested primarily in the formation of a kind of “image of science and scientist”, which is especially pronounced in modernizing societies. The obtained theoretical results are illustrated by the example of the formation, evolution and current state of the scientific and educational communities of the republics of Siberia (Tuva, Khakassia, Buryatia, Altai). It is proved that the specifics of their post-Soviet development is largely due to Soviet experience, in particular when it comes to the place of a scientist in a traditional and modernized society, the role of science and education as a social elevator, the place of spheres of intellectual production in the modern social and economic structure of these regions.

Keywords

science, ethnic specificity, national specificity, the image of science, cognitive tradition, modernization, the scientific community, locality

For citation

Ablazhey A. M. The Position of Science and Scientist in the National Republics of Siberia: A Comparative Analysis of Soviet and Post-Soviet Experience. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 129–143. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-129-143

Актуальность изучения современного состояния науки и образования в модернизирующихся обществах, к которым, по моему мнению, с полным основанием следует относить и ряд республик Сибири, обусловлена двумя важнейшими обстоятельствами: во-первых, необходимо учитывать исторически важную роль, которую играют такие социальные институты как культура, образование, а с недавних пор и наука, в жизни традиционных обществ, прежде всего при реализации их модернизационного потенциала; во-вторых, налицо явный недостаток работ, основанных на материалах конкретно-социологических исследований. Настоящая статья представляет собой попытку показать динамику отношения к науке, к профессии ученого в локальных этнических сообществах и культурах в постсоветский

период. Важно, что речь пойдет о таких сообществах, в которых обособление интеллектуального труда и, как следствие, формирование и быстрый рост особого социального слоя занятых подобной деятельностью людей, слоя, способного к самовоспроизводству, произошло совсем недавно, будучи важным элементом процесса социальной модернизации. С другой стороны, нам было важно на материале сравнительно недавних эмпирических социологических исследований проанализировать ряд теоретических схем, имеющих отношение к проблеме национальной природы науки.

Прежде чем перейти к анализу эмпирических данных, стоит осветить основные проблемы, связанные с исследованием национальной (этнической) специфики локальных научно-образовательных сообществ. Начнем с рассуждений В. П. Филатова по поводу возможности анализа национальной науки как реального объекта. По его мнению, в современной философии науки и теории познания существует ряд важных идей, а именно: 1) знание не полностью детерминировано эмпирией; 2) нет единых рациональных методов организации знания, как и единых принципов его оценки, налицо методологический и эпистемологический плюрализм; 3) большую роль в процессе производства знания играют философские и идеологические детерминанты. Современная наука интернациональна, с историко-социологических позиций она является результатом постепенного распространения западно-европейской традиции научного знания. Однако это распространение предполагает наличие в воспринимающем науку обществе собственных ценностных и социальных предпосылок, без чего оно не может быть успешным. Адекватным способом исследования подобных предпосылок он считает исследовательскую программу антропологии знания, в которой на основе культурологических, антропологических и герменевтических методик исследуется функционирование научного знания и научных сообществ в различных культурах, процессы миграции знания, влияния социально-политических факторов на развитие научных традиций. Исходя из этой программы, предлагается и обосновывается понятие социокультурного «образа науки», характерного для определенного времени и определенной культуры. В этот образ входят представления ученых и более широких слоев общества о природе и целях науки, ее социальной роли, ее месте среди других форм духовной культуры (религии, искусства, политического сознания, философии и т. п.), о ценностно-этических формах, которые должны разделять члены научного сообщества.

Для иллюстрации своей позиции В. П. Филатов приводит характеристику образов науки, сформировавшихся в русском общественном сознании к началу XX в. 1. Наука «стандартного европейского типа», что связано с появлением первых успехов отечественной науки и с повышением социального статуса ученых в обще-

стве. 2. Наука как «средство преодоления социального и сословного гнета», с опорой на народнические и неонароднические идеи, на традиционные формы культуры, на утилитарное понимание науки, порой доходящее до «контрнаучных и контркультурных движений». 3. Наконец, воззрения Н. Федорова, который предложил проект создания «самобытной русской науки, принципиально отличной по всем этим параметрам от науки западной» В целом, по мнению Филатова, науку трудно вписать в культуру, но делать это нужно и можно, при условии применения соответствующих методов. Например, западную познавательную традицию нужно понимать как своеобразную «научную культуру», связанную с мистическими, религиозными, идеологическими факторами, искусством (см.: [Филатов, 1990. С. 38]). Ср. с В. В. Целищевым: «...неоспоримо то, что на убеждения людей значительнейшим образом влияет сообщество, в котором они творят, и культура» [Целищев, 2003. С. 5].

Оригинальная трактовка национальной природы науки представлена в концепции израильского исследователя И. Эльканы. По его мнению, не существует единой науки, единого знания и единой научной традиции. Напротив, для разных культур характерно наличие уникальных *образов* знания, что дает основание предположить наличие разных «наук» в различных культурах, которые могут быть качественно отличны друг от друга. Для пояснения своей позиции Элькана вводит понятие «познавательной традиции», которая является результатом синтеза трех групп факторов: 1) различные типы общего мировосприятия, в том числе специфика отношения «субъект – объект»; 2) своеобразие «образа знания» – специфичных для данной культуры представлений о природе и источниках знания, целях и возможностях познания, о месте знания среди других форм духовной культуры (религии, искусства, морали); 3) место людей, занятых познавательной деятельностью, в структуре общества. Важно, что подобная схема не исключает существования этнически локальных систем знания, наличие которых характерно для традиционных обществ, изучение которых возможно только «изнутри», только антропологическими методами, с целью увидеть мир «глазами» изучаемого когнитивного сообщества (см.: [Elkana, 1981. С. 9]).

Продуктивную концепцию анализа национальной природы науки предлагает Т. Романовская. По ее мнению, есть несколько способов, с помощью которых в принципе возможны подобного рода исследования, учитывая в том числе тот факт, что в целом понятие «национальная наука» широко используется в работах по истории науки и никаких проблем с ним не возникает. Например, когда мы говорим, что в середине XVIII в. французская наука уступила главенствующее место английской и немецкой, то имеем в виду совершенно неоспоримый факт того, что в это время большинство значительных работ в области естествознания и точ-

ных наук были сделаны английскими и немецкими учеными, тогда как в начале века картина была противоположная. Другими словами, использование концепции национальной науки в историко-научных исследованиях достаточно традиционно и не вызывает особых проблем. Другое дело, когда мы говорим о национальной науке именно применительно к культурной специфике – здесь начинаются трудности, поскольку нет очевидного ответа на вопрос о том, где искать корни национальной специфики научной деятельности: в этнических особенностях, в географии; каким образом можно выделить в науке как таковой, в отдельной научной работе, в творчестве отдельного ученого то, что соотносится с национальными особенностями и насколько это вообще правомерно.

Возможны два варианта решения данной проблемы. 1. Исходить из установленных априори национальных особенностей данного региона или данной страны, т. е. вести разговор о национальном менталитете, использовать художественный метод постижения внутреннего мира представителей той или иной национальной культуры, в качестве доказательств использовать метод аналогий, при анализе языка науки использовать скорее метафорические, чем лингвистические приемы. Этот метод, с точки зрения Романовской, ярок, но малопродуктивен. 2. Заниматься поиском конкретных механизмов зависимости между наукой данного периода и некими характерными особенностями (которые еще предстоит выявить), которые можно условно отнести к национальной специфике науки (см.: [Романовская, 1998. С. 72]).

Ряд исследователей обращают внимание на сосуществование двух, казалось бы, взаимоисключающих тенденций: к «национализации» науки и, напротив, к ее интернационализации. Х. Рейнбергер, указывает, в частности, на следующее обстоятельство: «интернационализм в науке – это не единичная, четко определенная вещь или отношения, так же как формы глобализации, связанные с ним... они бывают в разных формах и во многих временных вариантах, которые необходимо подробно проанализировать. То же самое относится к формам развития на национальном и местном уровнях, будь то предпосылка или следствие тенденций к интернационализации/глобализации. Два явления – локальность и глобальность – обычно не могут быть аккуратно отделены друг от друга, но порождают друг друга в их специфических формах» [Rheinberger, 2016. С. 201].

По мнению А. Юревича, несмотря на свою очевидность, национально-этническая обусловленность научного познания остается одной из самых «трудных» тем для науковедения, с большим сопротивлением отвоевывающей себе место в науковедческой проблематике. Основные причины этого сопротивления тоже не лишены национально-культурной окраски. Во-первых, боязнь того, что акцентирование национального может внести раскол в «братскую семью народов».

Во-вторых, современный западный контррасизм, здоровый в своей основе, но принявший утрированные формы и выражающийся, например, в том, что профессор американского университета может быть запросто уволен, если скажет студентам, что нации или расы хоть чем-то различаются.

Помимо этого, активный поиск национальных особенностей науки продиктован, по мнению Юревича, следующими важными обстоятельствами. Прежде всего, сегодня исследование национальных научных сообществ в целом является активно развивающимся направлением в социологии науки, социологии знания, науковедении, социальной истории науки. Далее, нечто похожее на Россию наблюдается и в других странах, имеющих неплохо развитую науку – пример Турция, где раздаются призывы построить в противовес западной особую «исламскую науку». Наконец, даже на Западе наука западного типа не признается единственно возможной, в качестве именно науки принята, например, традиционная восточная наука (еще 20 лет назад стало модно говорить о различиях западного и восточного мышления, при сравнении, например, опыта строительства современного общества в Европе и Японии). Отсюда вывод, что можно говорить об общекультурных особенностях науки и принципиальном плюрализме форм научного знания и способов его производства. По мнению Юревича, когда речь идет о *процессе познания*, особенно его социальной организации, тогда национальные особенности налицо. Имеет смысл также рассуждать о макросоциальных особенностях науки: какие функции она выполняет в данном обществе; на развитии каких именно наук делается акцент; как организован институт науки в целом; как строится взаимодействие между академической, вузовской и прикладной наукой, и т. п. (см.: [Юревич, 2000. С. 9–13]).

В связи с этим особую роль приобретает социально-культурный контекст науки, связанный с модернизацией: в период перехода к новым формам социальной жизни институт науки начинает играть более разнообразные функции. С. Панарин, характеризуя специфику современной Бурятии, оперирует понятием «социальная модернизация», рассуждая о том, почему наиболее предпочтительным вариантом карьеры для представителей титульных этносов оказалась карьера ученого-гуманитария, или управленца, или деятеля культуры; в любом случае – как правило, вне сферы материального производства. По его мнению, «наиболее популярной среди бурят стратегией социальной мобильности был переход от коллективно наследуемых сельскохозяйственных занятий к индивидуально избираемым занятиям, не требующим личного участия в материальном производстве – преимущественно управленческим и интеллектуальным. Причина – реализация специфической стратегии мобильности через образование. Она обеспечивает групповые потребности в социальной модернизации в резко ухудшившихся для

этого условиях. Но одновременно она, уже на уровне регионального сознания, не стимулирует индивидуального выбора в пользу тех видов деятельности, доступ к которым не обусловлен групповыми лояльностями» [Панарин, 2000. С. 16]. Другими словами, отношение к интеллектуальной деятельности в контексте национальной (этнической) специфики выражается в реализации «стратегии мобильности через образование... [что] безусловно, удовлетворяет потребность в этносоциальной модернизации в резко ухудшившихся для этого условиях» [Панарин, 2005. С. 65]. Тех же позиций придерживается и Г. Манзанова, утверждая, что «высокая ориентация бурят на достижение соответствующего [образовательного] статуса и связанных с ним должностных привилегий связана... не только с пережитками патриархальных традиционных отношений, но и с отсутствием иных каналов мобильности для этнических групп в депрессивном регионе» [Манзанова, 2001. С. 57]. Подтверждают подобный вывод – «для сельских жителей Бурятии получение диплома о высшем образовании имеет большую ценность» – и другие аналогичные исследования (см.: [Гунтыпова, Шулунова, 2006]).

Еще одним серьезным аргументом в пользу подхода, основанного на выделении и анализе социокультурных факторов развития сфер интеллектуального производства, в первую очередь науки, могут служить особенности трансформации института науки в постсоветский период. Научное сообщество в этом случае понимается нами как традиционно обладающее (или стремящееся к таковой) институциональной автономией, которая, в свою очередь, диктует специфические условия профессиональной социализации ученого и его социальное самочувствие. Специфика взаимоотношений в сфере научной деятельности определяется «сетью социальных взаимодействий... наука определенного времени – это сообщество людей, занятых научными исследованиями, их сложнейшие связи и отношения, их познавательные установки и их познавательные практики, в первую очередь способы согласования этих установок и практик» [Карпович, 2003. С. 4].

С целью реализации предложенной методологии мы условно поделили отношение к науке на два типа: советский и постсоветский, каким оно было «прежде» и стало «теперь». Эти типы были сконструированы на основе текстов интервью и других материалах социологических исследований, проведенных среди научных сотрудников и преподавателей вузов республик Тува и Хакасия в ходе социологических экспедиций в 2000-е гг. В данном случае ученые позиционировали себя, с одной стороны, по отношению к обществу в целом, отвечая в ходе интервью, в частности, на вопрос о том, какова специфика положения науки по сравнению с другими социальными институтами на данный момент времени, с другой, мы просили оценить как их личное профессиональное и социально-психологическое состояние, так и положение дел в научном сообществе в целом.

Для всех наших собеседников абсолютно бесспорным является убежденность в том, что «раньше» (очевидна нечеткость такого временного разграничения, и более строго хронологически это можно обозначить как период 1940–1980-х гг., особенно это характерно для Тувы) положение науки и ученого, преподавателя вуза, степень уважения к образованным людям вообще, к новой, только нарождавшейся национальной интеллигенции были совершенно иными, чем сегодня: *«Раньше мы были белая кость, уважаемые люди. Особенно для восточного общества, они уважали учителей, а сейчас я просто по глазам своих студентов вижу – мы на обочине дороги»*¹.

Другой наш собеседник, подтверждая, с одной стороны, эту мысль, выразил уверенность, что это уважение еще сохраняется на уровне сознания сельского жителя, продолжающего оставаться во многом носителем традиционного сознания: *«Ученые – это была Интеллигенция с большой буквы, к ним здесь (в Туве) относились с большим пиететом... у тувинцев еще сохраняется в сельской местности: ученый – вот это действительно большой человек, и то, что он скажет, просто последняя инстанция»*.

В современной России, согласно официальным оценкам, «воспроизводство молодежи высшего образования не носит преимущественно наследственного характера, а достаточно широко представлено и представителями других социальных групп молодежи. Хотя по сравнению с 1999 г. отмечается пусть незначительное, но сужение социальной базы воспроизводства интеллигенции с высшим образованием»². В условиях стремительного социального расслоения выбор научной карьеры становится одним из каналов социальной мобильности, успешно действующим социальным лифтом: *«Это один из способов продвижения по карьере... если нет больше возможностей как-то подняться, продвинуться – через науку... люди идут из низов в науку, из небогатых семей... у нас все научные сотрудники в основном из деревни»*. Положение науки изменилось, а на уровне традиционного сознания еще сохранились прежние стереотипы. Оценки науки на уровнях массового сознания и членов научного сообщества кардинально разнятся, хотя прежде, по всей видимости, они во многом совпадали: *«Считают, что напишут кандидатскую как диплом и будут большим человеком, со всеми вытекающими последствиями»*. Отношение к науке только как к средству карьерного роста в других сферах деятельности приводит к тому, что *«некоторые, вроде как и нормально заканчивают вузы, но поскольку они не осознают, что такое аспирантура, они так*

¹ Здесь и далее курсивом выделены фрагменты наших социологических интервью.

² Федеральная целевая программа «Молодежь России (2001–2005 годы): эффективность и перспективы» // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2004. № 31 (251). URL: http://council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/25512/ (дата обращения 07.05.2020).

долго и учатся. И тема может быть хорошая, и в лучшем случае они даже защитятся, но потом это как-то замедляется, застопоривается». Таким образом, для части современных студентов в высшем образовании важно не столько его содержание, сколько социальный капитал, полученный как лично студентом, так и близким социальным окружением по факту нахождения в сфере высшего образования, обеспечившим для своего члена доступ к резерву социальной мобильности. Аналогичный мотив подчеркивает и С. Панарин: установка бурят на высшее образование активизируется и реализуется «не из-за абстрактной жажды знания, а потому что дорога в вуз – это одновременно дорога от фермы, в перспективе – от тяжелого и все хуже вознаграждающего труда к “чистой” и хорошо оплачиваемой работе» [Панарин, 2005. С. 65].

Следует особо остановиться на феномене замещающей социальной мобильности, в результате которой на смену уехавшим в центр страны детям нынешней национальной элиты (стремящимся занять более высокие ступени социальной лестницы) приходит молодежь из более низких социальных слоев, получающая высшее образование и выбирающая ученую карьеру с целью реализации восходящего вектора социальной мобильности. Это характерно, например, для Республики Алтай: *«Дети элиты, властной элиты, они на сегодняшний день просто получают хорошее образование где-то в России или не в России, но в республике их нет, их здесь нет... они просто все исчезли и уехали. И не слышно, чтобы они защитили какие-то диссертации, как-то реализовались, каким-то образом. А вот по университету в основном это те, кто приехали, поняли, что обратно [в деревню] им не хочется».*

Одним из наиболее серьезных признаков кризиса науки в России признается дефицит молодых кадров, в связи с чем мы специально задавали нашим респондентам вопрос о том, благодаря чему молодежь все же идет в науку. Здесь подтвердилась тенденция, неоднократно отмечавшаяся ранее: по мнению самих ученых, в том числе и молодых, наибольшее влияние имеют тяга к познанию и стремление к творчеству. Значительное влияние на молодежь оказывает сама ученая среда; так, молодые научные сотрудники активно перенимают сложившиеся в научных коллективах традиции общения: *«Из тех, кто все-таки попадает в науку, и в частности, те, кто у нас в лаборатории, это ребята, которых удалось заразить получением новой информации собственными руками... это игра на амбициях в хорошем смысле слова».* Члены локальных научно-образовательных сообществ национальных республик Сибири сохраняют достаточно высокую степень привязанности к профессии. Значительная часть ученых сохраняет надежду на позитивные изменения; многих удерживает в науке тот коллектив, в котором они работают. Тем не менее существенное значение играет фактор трансформации

органичной для ученой профессии системы ценностей, поскольку для целого ряда людей ученая карьера, как уже говорилось, является не целью, а средством: «...молодежь все-таки недопонимает. Надо же, кандидат наук, потому что это действительно престижно, а что за этим, что это такое – они недопонимают».

При анализе процесса воспроизводства национальной интеллигенции нельзя не отметить также фактор усиления внутриэтнической солидарности при реализации стратегии вертикальной социальной мобильности через образование. Подобный феномен уже отмечался исследователями применительно к Республике Бурятия: «Существует достаточно распространенное мнение о том, что у абитуриентов-бурят есть гораздо больше преимуществ перед абитуриентами-русскими. Объясняется это тем фактором, что система высшего образования представлена в большей степени бурятами. Для осуществления их деятельностных предпочтений бурятам надо получать высшее образование. Для того чтобы абитуриенты из сельской местности могли возместить неизбежные недостатки своего образования, они (точнее, их родители) должны мобилизовывать в поддержку своих детей внутриэтнические родственно-земляческие связи» [Панарин, 2000. С. 17]. Аналогичные процессы описаны Р. Харуновым на примере Тувы (см.: [Харунов, 2007; 2010]).

Крайне противоречивая ситуация сложилась на сегодняшний день в отношении к такому новому для российской науки явлению, как коммерциализация. Примечательно, но даже те исследователи и управленцы, которые настаивают на том, что наука (в том числе фундаментальная) должна себя окупать, согласны, что этика научного поиска и заинтересованность в коммерческом успехе его результатов как поведенческие стратегии слабо согласуются друг с другом. Что касается региональной науки, то в большинстве своем члены местных научных сообществ относятся к коммерциализации науки отрицательно. На вопрос о том, какое влияние оказывают попытки перевода научных учреждений на самоокупаемость, стимулирование самостоятельного поиска потребителей научной продукции, на положение науки в городе и республике, почти половина указали, что в целом оно негативно; значительная часть респондентов еще не составила для себя определенного мнения по данному вопросу. Исходя из подобного распределения оценок, очевидно, что все попытки реформировать российскую науку (во всяком случае, когда речь ведется о периферийных научных центрах) в направлении увеличения удельного веса ее коммерческой составляющей фактически не удалась и приоритеты ученых на местах в этом отношении мало изменились. Отрицательно относясь к процессу коммерциализации науки, ученые в то же самое время категорично утверждают, что низкий уровень доходов в науке остается главным фактором, из-за которого люди уходят в другие сферы деятельности, а молодежь не идет

в науку, т. е. процесс увеличения доходов в науке, процесс, от которого зависит само выживание науки, с точки зрения наших респондентов, не должен сопровождаться процессом ее коммерциализации, что полностью противоречит государственной политике (как на уровне федерального центра, так и на уровне регионов) в отношении фундаментальной науки в России.

В то же время можно считать практически бесспорным и тот факт, что подготовка научной смены на местном уровне – почти личная инициатива ученых, поскольку власти зачастую считают, что проще подготовить специалиста в престижном столичном вузе, чем, допустим, в ТувГУ: *«...очень большие деньги вкладываются в обучение за пределами (республики), но поскольку отсутствует стратегия, кого посылать и по каким специальностям готовить, то все решается на уровне моды у родителей»*. Вероятнее всего, помимо энтузиазма, срабатывает своеобразный инстинкт самосохранения научного сообщества, поскольку опыт показывает, что *«...вузовский преподаватель, не имеющий возможности время от времени получать отпуск для повышения квалификации или собственной научной работы, тоже дисквалифицируется. Равно как и ученый, вокруг которого нет молодежи»*. Среди ученых нарастает ощущение того, что кризисное положение науки в обществе, невнимание к ее нуждам негативно сказывается на квалификации людей, работающих в науке. Почти половина наших респондентов, оценивая профессиональный уровень своих коллег, дали ему среднюю оценку, и лишь один человек поставил высший балл.

Анализируя полученные от участников обследования ответы относительно степени их индивидуальной адаптации к новым социальным и экономическим условиям жизни, следует сделать вывод, что здесь картина более благоприятная, чем в крупных научных центрах. Более половины обозначили свой уровень адаптации как средний, менее десяти процентов ученых решили, что они хорошо адаптированы (при том что лишь один человек признался в том, что «совершенно не приспособлен к современным условиям»). Ровно четверть респондентов отметили, что адаптация к новым условиям происходит с трудом. Менее благоприятная картина наблюдается при оценке респондентами уровня жизни: более трети опрошенных ученых обозначили его как средний, тогда как более сорока процентов – находящийся ниже среднего уровня; более $\frac{1}{5}$ вообще уверены, что живут на уровне, близком к черте бедности. Никто из опрошенных не указал, что живет на уровне выше среднего или тем более на высоком уровне достатка.

Ученые в провинции сохраняют достаточно высокую степень привязанности к профессии. Лишь чуть более четверти из них выразили готовность перейти на более оплачиваемую работу вне науки, тогда как уверены в том, что не согласятся на это ни при каких обстоятельствах, более трети. Стоит, однако, отметить, что

оставшаяся часть респондентов выбрали психологически более нейтральный вариант, не дав вообще никакого определенного ответа, оставляя для себя свободу маневра. Анализ мнений ученых о том, какие факторы заставляют их в сложившихся условиях сохранять верность науке, показывает, что ведущую роль играет такой мотив как любовь к своей профессии, работе; желание быть нужным, полезным обществу. Лишь явное меньшинство остаются в науке потому, что не могут найти более подходящего места, равно как и боятся остаться без работы. Значительная часть ученых все еще сохраняет надежду на позитивные изменения; многих удерживает в науке тот коллектив, в котором они работают, даже несмотря на то, что материальное обеспечение оставляет желать лучшего.

Проведенное исследование позволяет сделать как минимум два важных вывода. Прежде всего, анализ собранных нами материалов подтверждает тот факт, что специфика места и роли ученого в обществах, относительно недавно вступивших на путь социально-экономической и социокультурной модернизации, определяется как наличными социально-экономическими факторами, так и сложной по генезису традицией. Особое место интеллектуала в таких обществах и культурах, как следствие процесса модернизации советского времени, во многом сохранилось, хотя и претерпело очевидные негативные трансформации.

Очевидно также неоднозначное положение науки в национальных регионах Сибири. Несмотря на то, что многие институты гуманитарного профиля считаются (и продолжают оставаться на деле) важнейшим элементом культурного наследия и развития региона, поддержка со стороны местных властей не всегда оказывается в нужном объеме. Жизненно важной задачей для региональных научных сообществ (при этом речь идет не только о научных учреждениях, полностью финансируемых из местных бюджетов, но и институтах РАН, расположенных на территории национальных территорий Сибири - в данном случае мы можем судить о сложившейся ситуации на примере Республик Тыва и Хакасия) становится выработка и реализация тщательно продуманной и реалистичной стратегии взаимодействия с местной властью, от которой в условиях дефицита ресурсов, в первую очередь финансовых, зависит очень и очень многое.

Список литературы / References

- Гунтыпова Э., Шулунова Р. Миграция и высшее образование (по результатам опросов в Бурятской сельхозакадемии // Вестник Евразии. 2006. № 2 (32). С. 47–61.
- Guntypova E., Shulunova R. Migratsiya i vysshee obrazovanie (po rezul'tatam oprosov v Buryatskoj sel'khozakademii [Migrations and High Education: according

to the results of surveys in the Buryat Agricultural Academy]. *Vestnik Evrazii*, 2006, no 2 (32), p. 47–61. (in Russ.)

Карпович В. Н. Социальная эпистемология и принятие решений в демократическом научном сообществе // *Философия: история и современность*. Новосибирск, 2003. С. 13–17.

Karpovitch V. N. Sotsial'naya epistemologiya i prinyatie reshenij v demokratičeskom nauchnom soobshchestve [Social Epistemology and Decision Making in a Democratic Science Community]. In: *Filosofiya: istoriya i sovremennost'* [Philosophy: History and Modernity]. Novosibirsk, NSU Press, 2003, p. 13–17. (in Russ.)

Манзанова Г. В. Трансформация процессов урбанизации и маргинализации в национальных регионах России // *Конфликт – диалог – сотрудничество*. М.: ЦСПИ, 2001. Бюл. № 8. С. 56–64.

Manzanova G. V. Transformatsiya protsessov urbanizatsii i marginalizatsii v natsional'nykh regionakh Rossii [Transformation the processes of urbanization and marginalization in the national regions of Russia]. In: *Konflikt – dialog – sotrudnichestvo* [Conflict – dialogue – cooperation]. Moscow, CSPI, 2001, no. 8, p. 56–64. (in Russ.)

Панарин С. А. Конфликтный потенциал социально-экономических и этносоциальных процессов в Республике Бурятия // *Конфликт – диалог – сотрудничество*. М.: ЦСПИ, 2000. Бюл. № 3. С. 4–17.

Panarin S. A. Konfliktnyj potentsial sotsial'no-ekonomicheskikh i etnosotsial'nykh protsessov v Respublike Buryatiya [Conflict potential of socio-economic and ethno-social processes in the Buryat Republic]. In: *Konflikt – dialog – sotrudnichestvo* [Conflict – dialogue – cooperation]. Moscow, CSPI, 2000, no. 3, p. 4–17 (in Russ.)

Панарин С. А. Этнополитическая ситуация в Республике Бурятия // *Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность*. М.: Наталис, 2005. Вып. № 5. С. 23–94.

Panarin S. A. Etnopoliticheskaya situatsiya v Respublike Buryatiya [Ethno-political situation in the Buryat Republic]. In: *Bajkal'skaya Sibir': iz chego skladyvaetsya stabilnost'* [Baikal Siberia: the origins of stability]. Moscow, Natalis, 2005, iss. 5, p. 23–94. (in Russ.)

Романовская Т. Б. К анализу понятия «национальная наука»: постановка проблемы // *Социокультурный контекст науки* / Под ред. Е. А. Мамчур. М.: ИФ РАН, 1998. С. 70–83.

Romanovskaya T. B. K analizu ponyatiya “natsional'naya nauka”: postanovka problemy [To the analysis of the “national science” concept: statement of the prob-

- lem]. In: Mamchur E. A. (ed.). *Sotsiokul'turnyj kontekst nauki* [Socio-cultural context of Science]. Moscow, Institute of Philosophy RAS, 1998, p. 70–83. (in Russ.)
- Филатов В. П.** Образы науки в русской культуре // *Вопр. филос.* 1990. № 5. С. 34–46.
- Filatov V. P.** *Obrazy nauki v russkoj kul'ture* [Images of science in Russian culture]. *Questions of Philosophy*, 1990, no. 5, p. 34–46. (in Russ.)
- Харунов Р. Ш.** Стратегии доступа к высшему образованию в Туве // *Система высшего образования в социальном развитии Центральной Азии*. М.: Наталис, 2007. С. 190–203.
- Kharunov R. Sh.** *Strategii dostupa k vysshemu obrazovaniju v Tuve* [Strategies for Access to Higher Education in Tuva]. In: *Sistema vysshego obrazovaniya v sotsial'nom razvitii Tsentral'noj Azii* [The High Education System in the social development of Central Asia]. Moscow, Natalis, 2007, p. 190–202. (in Russ.)
- Харунов Р. Ш.** Формирование тувинской интеллигенции путем выдвижения – коренизации кадров // *Новые исследования Тувы*. 2009. № 12. С. 273–290.
- Kharunov R. Sh.** *Formirovanie tuvinskoj intelligentsii putem vydvizheniya – korenizatsii kadrov* [Formation of the Tuvan intelligentsia through promotion – indigenization of personnel]. *Novye Issledovaniya Tuvy*, 2009, no. 12, p. 273–290. (in Russ.)
- Целищев В. В.** Наука и социальные ценности: социальная и концептуальная структура научного дискурса // *Философия: история и современность*. Новосибирск, 2003. С. 5–12.
- Tshelishchev V. V.** *Nauka i sotsial'nye tsennosti: sotsial'naya i kontseptual'naya struktura nauchnogo diskursa* [Science and Social Values: social and conceptual structure of scientific discourse]. In: *Filosofiya: istoriya i sovremennost'* [Philosophy: History and Modernity]. Novosibirsk, NSU Press, 2003, p. 13–17. (in Russ.)
- Юревич А. В.** Национальные особенности науки // *Науковедение*. 2000. № 2. С. 9–23.
- Yurevich A. V.** *Natsional'nye osobennosti nauki* [National specific of Science]. *Naukovedenie*, 2000, no. 2, p. 9–23. (in Russ.)
- Elkana Y.** Programmatic Attempt at an Anthropology of Knowledge. In: Mendelsohn E., Elkana Y. (eds.). *Sciences and Cultures. Anthropological and Historical Studies of the Sciences*. Springer, 1981, p. 1–76.
- Pallo G.** Internationalism in Soviet World-Science: The Hungarian Case. In: Crawford E., Shinn T., Sorlin S. (eds.). *Denationalizing Science. The Contexts of International Scientific Practice*. Springer, 1993, p. 209–232.

Rheinberger Hans-Jörg. Patterns of the International and the National, the Global and the Local in the History of Molecular Biology. In: Merz M., Sormani P. (eds.). The Local Configuration of New Research Fields. On Regional and National Diversity. Springer, 2016, p. 193–204.

Материал поступил в редколлегию

Received

16.03.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Аблажей Анатолий Михайлович

кандидат философских наук

¹ ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия)

² доцент кафедры социальной философии и политологии Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Anatoly M. Ablazhey

Candidate of Sciences (Philosophy)

¹ Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

² Docent, Department of Social Philosophy and Politology, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

ablazhey63@gmail.com